

**Эдвард Бенеш и «полоса признания СССР».
Беседа корреспондента РОСТА Р. О. Якобсона
с министром иностранных дел ЧСР 7 ноября 1924 г.**

Станков Николай Николаевич

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: stankovnn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Цитирование

Станков Н. Н. Эдвард Бенеш и «полоса признания СССР». Беседа корреспондента РОСТА Р. О. Якобсона с министром иностранных дел ЧСР 7 ноября 1924 г. // *Славянский альманах*. 2024. № 3–4. С. 22–35. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.02

Статья поступила в редакцию 01.07.2024.

Рецензирование завершено 25.07.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье на основе архивных материалов автор рассматривает отношение министра иностранных дел Чехословацкой республики Э. Бенеша к вопросу о признании СССР в 1924 г. В течение этого года Советский Союз *de jure* признали одиннадцать государств мира, в том числе Великобритания, Франция, Италия и Китай. Этот международный процесс получил название «полоса признания СССР». Чехословакия же воздержалась от признания СССР *de jure*, хотя Э. Бенеш неоднократно заявлял о том, что Прага сделает это немедленно вслед за признанием со стороны великих европейских держав. Основное внимание в статье уделено анализу беседы Бенеша с заведующим бюро печати советского полпредства и корреспондентом Российского телеграфного агентства в Праге Р. О. Якобсоном, состоявшейся 7 ноября 1924 г., во время которой чехословацкий министр объяснил, почему Прага не готова была признать СССР *de jure*. Учитывая опыт европейских государств, признавших к тому времени СССР, Бенеш считал, что, если ЧСР последует их примеру, деятельность Коминтерна неизбежно вызовет обострение

чехословацко-советских отношений, что в свою очередь приведет к подрыву позиций политических сил, на которые опирались он сам и правящая элита страны.

Ключевые слова

Э. Бенеш, Р. О. Якобсон, чехословацко-советские отношения, вопрос о признании СССР, Коминтерн.

О политике Э. Бенеша в отношении СССР написаны многочисленные научные труды и опубликовано множество документов¹. Тем не менее каждый новый обнаруженный в архивных хранилищах источник вызывает интерес у исследователей внешней политики ЧСР, открывает новые, ранее неизвестные штрихи в «русской» политике Бенеша.

Данная статья посвящена анализу беседы с Бенешем заведующего бюро печати советского полпредства и корреспондента Российского телеграфного агентства (РОСТА) в Праге Р. О. Якобсона 7 ноября 1924 г.

Очевидно, первоначально имелась договоренность Якобсона с чехословацким министром иностранных дел об интервью. Такое предположение можно сделать, учитывая, во-первых, дату 7 ноября 1924 г. – седьмую годовщину Октябрьской революции, во-вторых, содержание записи: слова Бенеша представляют собой ответы на вопросы, хотя интервьюер вопросы не формулирует. Часто свой ответ министр предваряет фразой: «Вы спрашиваете меня...». Только в конце беседы Бенеш подчеркнул, что «его разговор ни в коем случае не для печати (здесь и далее подчеркнуто в документе. – *Н. С.*)»². Поэтому документ отложился в фонде «Референтура по Чехословакии» Архива внешней политики Российской Федерации. В заглавии документа архивариус рядом с фамилией Якобсона сделал приписку «ТАСС», которая, очевидно, должна была обозначать, что он беседовал с Бенешем не как сотрудник советского полпредства, а как корреспондент РОСТА (с 1925 г. – ТАСС). Эти должности Якобсон совмещал с 1923 г.³

---

1 См.: *Dejmeck J. Edvard Beneš – obtížná cesta k politické biografii (pokus o historiografický přehled) // Český časopis historický. 2003. Č. 3. S. 624–662; Dejmeck J. Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovan-ský přehled. 2001. Č. 2. S. 165–188.*

2 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 6.

3 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53951. Л. 16–17.

Р. О. Якобсон работал в составе советских миссий в Чехословакии с 1920 г. и имел чрезвычайно широкий круг знакомств и связей. Несмотря на молодые годы, он был известным ученым, внес значительный личный вклад в развитие российско-чехословацких научных и культурных отношений. Якобсон был беспартийным, и все сменявшие друг друга советские представители в Чехословакии считали, что он «типичный спец. [...] которого прежде всего необходимо держать в руках» (П. Н. Мостовенко)⁴, «совершенно чуждый нам по духу элемент» (К. К. Юренев)⁵, но без него не могли обойтись. Каждый новый полпред считал, что пусть Якобсон еще какое-то время послужит, а за это время в Москве найдут ему замену. Однако все попытки управления делами НКВД непосредственно и через ЦК РКП(б) найти сотрудника со знанием чешского языка, способного занять должность заведующего бюро печати, ни к чему не привели⁶. Поэтому он оставался на своем посту до конца 1927 г., а в 1928 г. оставил дипломатическую службу.

Якобсон поддерживал связи не только с учеными и деятелями культуры, но и с представителями различных политических кругов, с чехословацкими и иностранными дипломатами и журналистами. С Бенешем это была его первая встреча, и министр начал ее словами, что хотя до сих пор он не имел случая с Якобсоном познакомиться, но достаточно много слышал о нем от своих сотрудников. «Поэтому можете ставить мне самые щекотливые вопросы, и я охотно на все отвечу совершенно откровенно», – заявил Бенеш⁷. Такими обещаниями министра не стоило обольщаться. Якобсон был далеко не первым, с кем Бенеш начинал беседу, уверяя в своей полной откровенности.

Затем министр подчеркнул, что в Москве его «политику обычно понимали неправильно», из-за чего возникали различные недоразумения. Бенеш считал себя революционером и «не только национальным, а и социальным». Он не скрывал, что не являлся сторонником коммунистической доктрины, но «интересы социализма» ему были дороги. Бенеш уверял, что он никак не связан с буржуазными кругами, и приветствовал революцию в России как «необходимый фактор русской и международной жизни». Бенеш не испытывал никаких враждебных чувств или антипатии по отношению к тем, «кто делал и кто продолжает делать русскую революцию». Во время Первой мировой войны, когда

4 Там же. Д. 53943. Л. 55.

5 Там же. П. 279. Д. 53992. Л. 7.

6 Там же. Л. 7–7об.

7 Там же. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 1.

он сам и многие будущие вожди русской революции были в эмиграции, Бенеш с некоторыми из них познакомился, в частности, с Л. Д. Троцким, и, по его словам, «их психология никогда не была [...] чуждой» ему⁸. Следует отметить, что это замечание не было данью случаю. В опубликованных через несколько лет мемуарах Бенеш подчеркивал (правда, при этом не упоминая конкретных имен), что во Франции он встречался с большевиками после поражения в России революции 1905–1907 гг., посещал их собрания, изучал русскую классическую и революционную литературу, которая оказала на него большое влияние⁹.

Во время беседы с Якобсоном Бенеш утверждал, что он не против революционного насилия, что в определенных условиях «необходим именно насильственный процесс», и не осуждал насильственных методов революции. Но чехословацкий министр не скрывал своего отрицательного отношения к «красному террору», который, по его убеждению, не был вызван внутренней необходимостью и вредил интересам русской революции и престижу власти¹⁰.

Бенеш отвергал все слухи о своей антисоветской политике и уверял, что «никогда не делал политики интервенции», а, напротив, последовательно боролся с лидером чехословацких национальных демократов К. Крамаржем, проповедовавшим такую политику. Он назвал лживыми показания Б. В. Савинкова, данные во время следствия и на судебном процессе в августе 1924 г., о поддержке его антисоветской деятельности чехословацкими лидерами – Т. Г. Масариком и им, Бенешем¹¹. «Скоро придет момент, когда я с документами в руках изобличу его в этой лжи и черным по белому докажу мое активно враждебное отношение к деятельности Савинкова, – утверждал министр. – Я не только не содействовал его деятельности, а, напротив, решительно противодействовал расширению и поддержке такой деятельности»¹².

---

8 Там же.

9 *Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha, 1930. D. 1. S. 2.*

10 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 1.

11 Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 81, 87–88. Док. 11; С. 92. Док. 12; Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда с примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина). М., 1924. С. 64, 146–147; Дело Савинкова. Брошюра составлена по материалам, опубликованным московскими газетами в день суда. М., 1924. С. 30, 44–45, 61, 85–86, 122.

12 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 1.

По поводу приписываемых ему надежд на переворот в России Бенеш заметил, что «это было бы просто наивно» с его стороны. Он был убежден, что если бы в России произошел переворот, то умеренные элементы не смогли бы удержать власть в своих руках и к власти пришли бы правые. Это было бы торжеством политики Крамаржа, но не отвечало бы интересам ни Бенеша, ни президента страны Т. Г. Масарика¹³.

Последующая часть беседы была в основном посвящена признанию Чехословакией СССР. Прежде всего Бенеш считал необходимым разъяснить, почему во время Генуэзской конференции он был противником признания Советской России *de jure*, согласившись лишь на признание *de facto* и временный договор, который был подписан в Праге 5 июня 1922 г. С Советской Украиной аналогичный договор был подписан на следующий день¹⁴. «В тогдашних условиях признание грозило нам большими осложнениями, в частности, оно при тогдашних настроениях рабочих окончательно бы смело с лица земли социал-демократическую партию, так как рабочие еще только смутно чувствовали границу между социал-демократией и компартией, и признание было бы толчком для массового перехода социал-демократических рабочих к коммунистам»¹⁵.

Отвечая на вопрос Якобсона, каковы конкретные препятствия для установления дипломатических отношений между ЧСР и СССР, Бенеш подчеркнул, что для признания Советского государства *de jure* существует «только одно препятствие»: «Это политика Коминтерна и ненормальные с точки зрения международного права отношения между Коминтерном и сов[етским] пра[вительством]». Министр заметил, что он не боится этой политики и предполагает, что «последние шаги Коминтерна по отношению к КПЧ» приведут к ослаблению последней, очевидно, имея в виду решения V конгресса Коминтерна (17 июня – 8 июля 1924 г.) по национальному вопросу и курс на большевизацию коммунистических партий, сопровождавшиеся резкой критикой руководства КПЧ¹⁶.

Бенеш не упомянул о своей ноте протеста правительству СССР от 11 августа 1924 г. в связи с работой и решениями V конгресса

---

13 Там же. Л. 2.

14 Подробнее см.: Станков Н. Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // Славяноведение. 2022. № 3. С. 15–18.

15 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 2.

16 Там же.

Коминтерна (о ней Якобсон безусловно знал). В ноте речь шла о публикации в газетах «Известия» и «Правда» выступления «товарища Васильева» на V конгрессе Коминтерна, который призывал к отторжению Подкарпатской Руси от ЧСР и присоединению ее к СССР, и о резолюции конгресса, открыто подталкивавшей КПЧ к революционным выступлениям против существовавшего в ЧСР строя. В чехословацкой ноте отмечалось, что эти действия несовместимы с буквой и духом «договоров, заключенных между ЧСР и РСФСР и ЧСР и УССР, которые действительно теперь и для взаимных отношений между Чехословацкой Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик»¹⁷. В этой связи понятны слова Бенеша, сказанные Якобсону, что со стороны советского правительства он рассчитывал «на большую честность в выполнении обязательств и во всей его тактике по отношению к нам»¹⁸.

Чехословацкий министр считал необходимым объяснить Якобсону свое отношение к КПЧ. «Я считал и считаю в наших условиях коммунистическую революцию невозможной, – заявил Бенеш. – Всякая попытка в этом направлении могла бы привести только к крайней реакции и к сокрушению государства. Я никогда не был врагом КПЧ. Я делал ряд шагов навстречу нашим коммунистам. [...] Будучи премьером, я взял самый либеральный курс по отношению к нашим коммунистам. Если они начали против меня кампанию, тем хуже для них. Я же сумею делать свою политику и без них, и если они объявляют мне борьбу, то также и против них»¹⁹.

Возвращаясь к вопросу о Коминтерне, Бенеш выразил глубокое убеждение, что финансовое и экономическое положение Советской страны «заставит ее правящие круги понять необходимость ревизии нынешнего ненормального отношения между правительством и Коминтерном». «Если это понято не будет, тем печальнее, потому что тогда естественно изнутри идущий процесс заменится нажимом извне, – продолжал министр. – А такой нажим неизбежен. Для меня совершенно ясно, что западноевропейские государства не смогут поддерживать сколько-нибудь нормальные отношения с Сов[етской] Россией при нынешней ненормальной зависимости сов[етского] пра[вительства] от Коминтерна»²⁰. Бенеш не скрывал, что он хоро-

17 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53975. Л. 12–13.

18 Там же. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 2.

19 Там же. Л. 2–3.

20 Там же. Л. 3.

по осведомлен об охлаждении отношений Берлина с Москвой после бесплодной попытки последней организовать революцию в Германии осенью 1923 г. Он был своевременно проинформирован чехословацким посольством в Германии об обыске берлинской полицией советского торгпредства 3 мая 1924 г. и об ухудшении в этой связи советско-германских отношений²¹.

Бенеш был убежден, что теперь «со всей силой» наступит охлаждение и в отношениях Лондона с Москвой, имея в виду так называемое «письмо Зиновьева» с призывом к британским коммунистам оказать давление на правительство и парламент, чтобы ускорить ратификацию советско-английского договора²². Скандал привел к падению признавшего 1 февраля 1924 г. СССР *de jure* правительства Р. Макдональда, приходу к власти консервативного кабинета Болдуина – Чемберлена и вызвал кризис в советско-британских отношениях²³.

Чехословацкий министр считал, что, несмотря на признание СССР Францией 28 ноября 1924 г.²⁴, в скором времени неизбежно ухудшение отношений и Парижа с Москвой²⁵. Эти обстоятельства, по словам Бенеша, были «важным фактором», замедлявшим установление полноценных дипломатических отношений между ЧСР и СССР. Министр уверял Якобсона, что он мог бы уже признать Советский Союз и «хотел бы это сделать, но нынешние ненормальные внутренние отношения в СССР», о которых он только что говорил, «влекли бы неизбежность конфликтов в дальнейшем, и эти конфликты были бы при наличии нормальных дипломатических отношений еще болезненней». По его мнению, лучше вовсе не обмениваться послами, чем быть вынужденным

21 Например, см.: Archiv Ministerstva zahraničních věcí (AMZV). Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 25.

22 О «письме Зиновьева» см.: *Сергеев Е. Ю.* «Письмо Зиновьева» британским коммунистам 1924 года: современный взгляд // [Не]законченные революции и реформы: политическая практика и историческая реальность (Опыт США и Европы). Колл. монография / отв. ред. Ар. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М., 2022. С. 63–92; *Komunistická internacionála anglické straně komunistické. 15 září 1924 // Zahraniční politika. 1924. Č. 21. S. 1441.*

23 Подробнее см.: *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 506–516.

24 Подробнее см.: *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.* / отв. ред. А. Ю. Павлов. СПб., 2021. Т. 1. С. 655–664.

25 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 3.

заявить советскому представителю: «Наши отношения не приводят ни к чему хорошему, будьте любезны, уезжайте домой». И одновременно «отозвать своего посла, а что конфликты между Сов[етской] Россией и европейскими государствами в связи с коминтерновскими делами неизбежны, в этом я уверен», – говорил Бенеш.

Если бы Чехословакия уже признала СССР, а «затем начались бы неприятности из-за Коминтерна», то национальные демократы и клерикалы обвинили бы Бенеша в том, что в случившемся виновен он, поскольку не прислушался к их предостережениям. «А я не хочу вести к торжеству Крамаржа, я не хочу ослаблять позицию моей партии, социал-демократов, наконец, даже коммунистов, которые все поддерживали бы признание [...]»²⁶, – говорил министр. «Пусть со стороны национал-демократов и клерикалов это было бы в значительной степени демагогией, но беда в том, что в настоящих условиях с этой демагогией трудно бороться, трудно убедить широкие чешские круги в том, что сов[етское] пра[вительство] не связано с Коминтерном и не ответственно за агрессивные действия последнего, – продолжал Бенеш. – Трудно убедить, что советские представительства пользуются своим правом экстерриториальности не только для государственной, но и для коминтерновской почты и что они не являются связующими звеньями между Коминтерном и его местными секциями»²⁷. Министр уверял, что у него на руках достаточно тому доказательств, но он не хотел бы их использовать. Бенеш вновь подчеркнул, что «корень затруднений» для признания СССР de jure лежит в отношениях между Коминтерном и советским правительством²⁸.

Эмигрантский вопрос, который Москва со своей стороны считала главным препятствием для развития советско-чехословацких отношений, Бенеш назвал «ерундой, о которой не трудно договориться». Министр доверительно сообщил Якобсону, что в настоящее время он «занят лично выработкой формул ликвидации вопроса о помощи эмиграции [в] ЧСР и формул установления нормальных отношений ЧСР и СССР». И как только эти формулировки будут готовы, а это произойдет «в самом ближайшем будущем», он немедленно приступит «к конкретным переговорам» с советским полпредом в Праге В. А. Антоновым-Овсеенко. Бенеш рассчитывал найти такое решение эмигрантского вопроса, которое снимет все затруднения на пути установления

26 Там же. Л. 4.

27 Там же.

28 Там же.

чехословацко-советских дипломатических отношений и не будет создавать их в будущем. Министр заверил, что, вступая в переговоры о нормализации отношений, он не намерен выдвигать какие-либо условия; он лишь ищет методы «наиболее гладкого и безболезненного и наиболее реального осуществления этих отношений». Бенеш считал, что его прогноз в январском номере «Prager Presse» о признании Чехословакией СССР *de jure* в 1924 г. осуществится²⁹.

Министр отметил, что ему нужно поскорее установить дипломатические отношения с СССР, «чтобы развязать себе руки для предстоящих переговоров с Польшей». «В противном случае эти переговоры вызвали бы всяческие кривотолки в СССР и могли бы послужить источником новых осложнений. Мы должны установить нормальные отношения с СССР прежде, нежели договариваться с Польшей», – подчеркнул он. По поводу предстоявших переговоров с Варшавой Бенеш «совершенно категорически» заявил, что пока Т. Г. Масарик и он «у власти, ни один шаг не может быть сделан Чехословакией, который бы был сколько-нибудь направлен против России, вне зависимости от режима в последней». Несмотря на ряд общих интересов у ЧСР с Польшей, Прага ни в какой степени не гарантировала и не намеревалась гарантировать ее восточные границы и поддерживать ее восточную политику. Равно как, имея общие интересы и союзнические отношения с Румынией, Чехословакия не связывала себя никакими обязательствами в решении бессарабского вопроса³⁰.

На вопрос Якобсона, имел ли Бенеш в виду Советскую Россию, когда в своих выступлениях говорил, что для «Чехословакии Россия должна занять на востоке то место, которое на западе [занимает] Франция», министр ответил утвердительно. И добавил, что как только между ЧСР и СССР установятся дипломатические отношения и «как только Советской России удастся договориться с Францией, так сейчас же станет актуальным вопрос о нашем дальнейшем сближении с Россией». При этом он подчеркнул, что не является врагом Советской России, ценит завоевания революции и не хотел бы их утраты³¹.

Заключительную часть беседы Бенеш посвятил общественным и культурным связям. Он отметил, что «всецело» сочувствует «Обществу экономического и культурного сближения с новой Россией»,

---

29 Там же. См.: *Beneš E.* Das neue Jahr // Prager Presse. Den 1. Januar 1924. № 1. S. 1.

30 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 5.

31 Там же.

которое заявило о своем учреждении и обратилось с призывом ко всем желающим в него вступить 7 ноября 1924 г., т. е. в тот день, когда Бенеш давал интервью Якобсону. Министр, очевидно, с первых же дней попытался повлиять на формирование состава общества, чтобы, по возможности, в будущем контролировать его работу. Бенеш сказал Якобсону, что рекомендовал целому ряду близких ему людей обязательно вступить в него и причем поскорее, чтобы «общество не успело приобрести репутацию объединения крайне левых элементов, не стало мишенью правой демагогии, которая отпугнула бы от общества нейтральные круги». Он выразил уверенность, что «общество будет важным орудием улучшенной взаимной информации и взаимного сближения»³². Бенеш высказал пожелание, чтобы «параллельное общество» было создано в Москве. Министр говорил, что после «установления нормальных отношений» между ЧСР и СССР вопросы культурного сближения приобретут для них «актуальное значение и большую важность», что у него уже готов план основания Русского института, к осуществлению которого следовало приступить сразу же после признания Советского Союза Чехословакией. Русский институт Бенеш предполагал создать по образцу уже существовавшего в Праге Французского института и выразил пожелание, чтобы он обслуживался «силами исключительно из Сов[етской] России». По его мнению, там должны были читаться курсы по русскому языку, литературе, современной России и т. д. Бенеш сообщил Якобсону, что при министерстве иностранных дел ЧСР создается Славянский институт, который «задуман очень широко». Он будет заниматься научным изучением всех славянских народов в их прошлом и настоящем, и СССР в этих исследованиях займет «большое место»³³.

Вопросы о сближении ЧСР и СССР на почве обмена информацией, создания Славянского института, развития культурных связей поднимались чехословацкой стороной не впервые. Годом раньше, 10 ноября 1923 г., тогдашний советский полпред в ЧСР К. К. Юренев сообщал об этих предложениях ЧСР народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину и подчеркивал, что они нужны прежде всего для борьбы с «германофильскими настроениями русского народа», в которых в Праге были убеждены и поэтому предпринимали меры с целью развить в СССР «чехофильскую пропаганду»³⁴.

---

32 Там же.

33 Там же. Л. 6.

34 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53956. Л. 36.

Таким образом, Бенеш воспользовался встречей с Якобсоном, чтобы в неофициальной обстановке донести до советской стороны свои суждения о состоянии и перспективах чехословацко-советских отношений. Министр стремился убедить Якобсона, что главным препятствием для признания СССР *de jure* является не его личное отношение к Октябрьской революции и к советской власти, не проблема эмигрантов, а двойственность международной политики Москвы, проводимой советским правительством и Коминтерном, вмешательство последнего во внутренние дела других стран. Исходя из опыта государств, уже признавших СССР, в частности, Германии и Великобритании, у которых тем не менее из-за «коминтерновских дел» развитие отношений с Москвой сопровождалось скандалами и конфликтами, Бенеш предпочитал повременить с признанием. Представляется не случайным частое употребление чехословацким министром во время интервью слов «нормальные» – «ненормальные» (14 раз), подчеркивавших, что при ненормальных обстоятельствах нормальных отношений быть не может. Он считал, что даже в случае признания чехословацким правительством СССР *de jure* деятельность Коминтерна неизбежно вызовет обострение чехословацко-советских отношений, что приведет к торжеству политических партий, противящихся признанию, и подрыву позиций политических сил, на которые опиралась правящая элита ЧСР и лично Бенеш. Министр предлагал в условиях того времени ограничиться развитием общественных и культурных связей между ЧСР и СССР, обменом информацией и т. п. «Откровенность» Бенеша, очевидно, имела целью продемонстрировать добрые намерения в отношении Москвы, чтобы сбить волну критики в свой адрес в советской и чехословацкой коммунистической печати, которая усилилась в условиях признания СССР другими государствами. А чтобы не давать повода для нападок со стороны противников признания в ЧСР, он отказался от публикации интервью.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Archiv Ministerstva zahraničníc věcí (AMZV).

Борис Савинков на Лубянке: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.

Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда с примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина). М.: Издание Литиздата НКВД, 1924. 254 с.

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / отв. ред. А. Ю. Павлов. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. Т. 1. 705 с.

Дело Савинкова. Брошюра составлена по материалам, опубликованным московскими газетами в день суда. М.: Рабочая Москва, 1924. 128 с.

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 831 с.

Сергеев Е. Ю. «Письмо Зиновьева» британским коммунистам 1924 года: современный взгляд // [Не]законченные революции и реформы: политическая практика и историческая реальность (Опыт США и Европы) / отв. ред. Ар. А. Улуян, Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 63–92.

Станков Н. Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // Славяноведение. 2022. № 3. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1

Beneš E. Das neue Jahr // Prager Presse. Den 1. Januar 1924. № 1. S. 1.

Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Čin a Orbis, 1930. D. 1. 537 S.

Dejmek J. Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled. 2001. Č. 2. S. 165–188.

Dejmek J. Edvard Beneš – obtížná cesta k politické biografii (pokus o historiografický přehled) // Český časopis historický. 2003. Č. 3. S. 624–662.

Komunistická internacionála anglické straně komunistické. 15 září 1924 // Zahraniční politika. 1924. Č. 21. S. 1441.

References

Beneš, E. “Das neue Jahr.” *Prager Presse*. Den 1. Januar 1924, No 1, p. 1.

Beneš, E. *Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa*. Praha: Čin a Orbis, 1930, No 1, 537 p.

Boris Savinkov na Lubianke: Dokumenty. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2001, 576 p.

Boris Savinkov pered Voennoi kollegiei Verkhovnogo suda SSSR. Polnyi otchet po stenogramme suda s primechaniiami pod obshchei redaktsiei I. Shubina (Samarina). Moscow: Izdanie Litizdata NKID, 1924, 254 p.

Dejmek, J. “Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami.” *Slovanský přehled*, 2001, part 2, pp. 165–188.

Dejmek, J. “Edvard Beneš – obtížná cesta k politické biografii (pokus o historiografický přehled).” *Český časopis historický*, 2003, part 3, pp. 624–662.

Delo Savinkova. Broshiuira sostavlena po materialam, opublikovannym moskovskimi gazetami v den' suda. Moscow: Rabochaia Moskva, 1924, 128 p.

“Komunistická internacionála anglické straně komunistické. 15 září 1924”. *Zahraniční politika*, 1924, part 21, p. 1441.

Sergeev, E. Iu. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniia, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniuu.* St. Petersburg: Nauka, 2019, 831 p.

Sergeev, E. Iu. “«Pis'mo Zinov'eva» britanskim kommunistam 1924 goda: sovremennyy vzgliad.” [*Ne]zakonchennye revoliutsii i reformy: politicheskaia praktika i istoricheskaia real'nost' (Opyt SShA i Evropy)*], ed. by Ar. A. Ulunian, E. Iu. Sergeev. Moscow: IVI RAN, 2022, pp. 63–92.

Stankov, N. N. “Pervyi sovetsko-chekhoslovatskii dogovor: ot proekta do podpisanii (2 apreliia 1921 – 5 iunია 1922 goda).” *Slavianovedenie*, 2022, No 3, p. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1

Vrag, protivnik, soiuznik? Rossiia vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg., ed. by A. Iu. Pavlov. St. Petersburg: Izd-vo RKHGA, 2021, vol. 1, 705 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.02

N. N. Stankov

**Edvard Beneš and “The Stripe of Recognition of the USSR”.
Conversation of ROSTA Correspondent R. O. Jakobson with
the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia on November 7, 1924**

Nikolay N. Stankov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: stankovnn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Citation

Stankov N. N. Edvard Beneš and “The Stripe of Recognition of the USSR”. Conversation of ROSTA Correspondent R. O. Jakobson with the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia on November 7, 1924 // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 22–35 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.02

Received: 01.07.2024.

Revised: 25.07.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

In the article, based on archival materials, the author examines the attitude of the Minister of Foreign Affairs of the Czechoslovak Republic Edvard Beneš towards the issue of recognition of the USSR in 1924. During this year, the Soviet Union was recognized de jure by eleven states, including Great Britain, France, Italy and China. This international process was called “the stripe of recognition of the USSR”. Czechoslovakia refrained from de jure recognition of the USSR, despite the fact that E. Beneš had repeatedly stated that Prague would immediately follow recognition by the great European powers. The article focuses on the analysis of Beneš’ conversation with the head of the press bureau of the Soviet plenipotentiary and correspondent of the Russian Telegraph Agency in Prague R. O. Jakobson, which took place on November 7, 1924. During the conversation, the Czechoslovak minister explained to Jakobson why Prague was not ready to recognize the USSR de jure. Taking into account the experience of European states that recognized the USSR by that time, Beneš believed that if Czechoslovakia followed their example, the activities of the Comintern would inevitably cause a deterioration in Czechoslovak-Soviet relations. This, in turn, would lead to undermining the positions of the political forces on which he and the country’s ruling elite were based. Under the conditions of the time, Beneš proposed limiting the connection between the countries to the development of cultural ties between Czechoslovakia and the Soviet Union.

Keywords

E. Beneš, R. O. Jakobson, Czechoslovak-Soviet relations, the problem of recognition of the USSR, Comintern.